

## **ХРОНОТОПИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА ЗАГОВОРОВ (НА ПРИМЕРЕ РУССКИХ ЗАГОВОРОВ КАРЕЛИИ)**

За последние десятилетия в филологической науке возрос интерес к фольклору со стороны как литературоведов, так и лингвистов. Исследователи чаще обращают свое внимание на крупные формы фольклора: сказки, предания, былины и т.п. В это же время практически неизученными остаются малые фольклорные формы. Одним из таких малоизученных жанров фольклора, особенно с точки зрения лингвистики, остается заговор. В статье мы обратимся к текстам сборника «Русские заговоры Карелии», так же не подвергавшимся подробному изучению, и на примере лечебных заговоров рассмотрим лексические способы выражения хронотопа в этом жанре фольклора.

В отечественной филологии заговорами традиционно называют «особые тексты формульного характера, которым приписывается магическая сила, способная вызвать желаемое состояние» [7, с. 451]. В наши дни исследователи, изучающие заговор, выделяют в нем несколько элементов. Их перечисляет А.В. Юдин: это молитвенное вступление, зачин, описание действия в центре магического мира (эпическая часть), заклинание (пожелание), закрепка (концовка) и молитвенное завершение [9].

Одной из важнейших составляющих заговора, как и других произведений литературы, является хронотоп, единство времени и пространства. Хронотоп может рассматриваться не только внутри текста. С.А. Экштут выделяет время пяти хронотопических систем, с которыми связано произведение: «индивидуальное время творца произведения – время институции, членом которой он состоит или которой он отвергнут, – время поколения, к которому принадлежит автор и его первые читатели, –

большое время Истории – время внутри самого произведения» [8, с. 138]. Мы видим необходимым добавить время еще одной системы – время читателя произведения. Заговоры, однако, – совершенно особенный жанр, для которого существуют свои правила. Обратимся к «индивидуальному времени» (и месту) творца, то есть заговаривающего: оно совпадает с временем «читателя», или, в заговоре, заговариваемого. Вместе с этим хронотоп «внутри произведения» совпадает с настоящим (повторим, общим для «автора» и «читателя»), так как заговором сопровождаются действия ритуала или состояния, через которые проходит заговариваемый (в параллелистических заговорах хронотоп повествования может не совпадать с хронотопом «автора»). Общность этих трех хронотопов соединяется с абсолютным игнорированием оставшихся: общества, поколения и «большого времени Истории», которые не имеют значения в конкретной ситуации, вызвавшей необходимость использовать заговор.

Хронотоп как важнейший организующий элемент любого текста, проявляется в морфологии, грамматике, лексике и синтаксисе. Хронотопическая лексика в тексте заговора не распределяется равномерно, а сосредотачивается в определенных частях. По мнению Р.А. Агеевой, топонимы «употребляются во вступительной формуле или в дальнейшей эпической части» [1, с. 132]. Во вступительной формуле описываются действия, производимые говорящим, или какое-либо место, имеющее сакральное значение. В основной части заговора рассказывается о решении проблемы, которое так же осуществляется в определенном месте. Вступительная формула, например, «Стану благословясь, лягу перекрестясь. Пойду из ворот <в> ворота, из двери в двери, в чистое поле» [6, с. 88]; «пойду не перекрестясь из дверей в двери, из сеней в сени, из ворот в ворота, в чистое поле, из чистого поля — в синее море. В синем море стоит златырь-камень, под златырем-каменем стоит щука медная» [6, с. 69]; «На море, на океане, на острове на Буяне стоит золотой столб. На столбе сидит девица» [6, с. 85], как бы переносит говорящего в «особое

мифологическое пространство» [1, с. 138]. Отметим, что в закрепке тоже встречаются указания на пространство и время, таким образом часто отмечается вечность и обширность территории распространения действия заговора: «Небо и земля замок» [6, с. 84]; «Во веки веков» [6, с. 50]; и ныне, и присно, и во веки веком» [6, с. 52]; «отныне и до веку, век по веку» [6, с. 63]. Иногда это «поясняется» меньшими единицами времени или пространства: «ни днем, ни ночью, ни утром рано, ни вечером поздно, ни в начале месяца, ни в середине месяца, ни в конце месяца» [6, с. 86]; «всюду да везде: и в крутых горах, и во темных лесах, и от ведьмы-еретицы, и от лешего, водяного, болотной бабы, домового, буйного дерева, да нечистого духа» [6, с. 93]; «за темные леса, за дики острова, где птица не залетает, где звери не забегают, добрые люди не загуляют, и ворон кости не заносит» [6, с. 100].

Обратимся к тому, как устроено пространство в заговоре. Главной оппозицией является противопоставление «своего» и «чужого» мира, как и во всех жанрах фольклора. Важными горизонтально расположенными «территориями» являются место перехода от одного мира к другому и «центр мира», наиболее сакральное пространство. В центре большего пространства находится меньшее, в центре самого меньшего – предмет, символизирующий центр мира: «пойду перекрестясь, из избы дверьми, из двора воротами во чисто поле путем-дорогою по край синя моря. В синем море есть Святой Божий остров; на Святом Божьем острове — Святая Божья церковь; в той Святой Божьей церкви есть престол Господень; на том престоле Господнем есть священномученик Христов Антипа» [6, с. 75]; «Выстану благословясь, пойду в сине поле. В синем поле стоит дубовое дерево. Под дубовым деревом — дубовый стол. На дубовом столе стоит золотой петух» [6, с. 93].

Реже можно встретить вертикальную модель пространства, осью которой является «центр мира». Обычно такая модель наблюдается в христианских заговорах, где оппозицию «свое» — «чужое» составляют

земля и небо: «выйду я в чистое поле, в чистом поле стоит листьвица от земли до неба. С этой листьвицы опускается сам свет истинный Христос» [6, с. 108]. И горизонтальная, и вертикальная модели пространства описываются с точки зрения человека, фигура которого в заговоре играет наиважнейшую роль.

Нужно также отметить два направления развития событий в заговоре: «внутри [кровь – плоть – сухожилие – кость – мозг (костный)...] и вовне (дом – сени – двор – поле – лес – горы – моря... с указанием порога, дверей, ворот, дороги и т. п.)» [7, с. 451], которое приводит В. Н. Топоров. Проиллюстрируем это следующими строками: «с буйной головы, с ясных очей, с сахарных уст, с рук и с ног, и с могучих плеч, и с белых грудей, с ретивого сердца, с бурой печени, с легких и с селезня, с сорока жил, с сорока составов, с сорока жил подпятных» [6, С. 100-101]; «пойду перекрестясь из дверей в двери, из сеней в сени, из ворот в ворота. <...>Погляжу в чисто поле, в чистом поле — сине море» [6, с. 51].

Описанное нами пространство заговора может отражаться в тексте на нескольких уровнях: морфемном, лексическом и синтаксическом. Более подробно мы рассмотрим лексический уровень. Лексику, описывающую пространство в заговоре, можно классифицировать различным образом: по принадлежности к какой-либо части речи или же определенной части пространства. Е.А. Колесова предлагает деление на три группы: описывающая «свое» пространство, «пограничное» пространство и «сакральное».

Если мы обратимся к классификации пространственной лексики на основании частей речи, то увидим, что место действия в заговоре может отражаться разнообразными способами. Группа имен существительных составляет большую часть пространственной лексики:

1) имена нарицательные, называющие заговорные топосы и локусы: «Выйду из дверей двермы, из ворот воротмы, выйду в чистое поле. В чистом поле злат камень, на злат камне сидит злат птиця» [6, с. 56];

«пойду перекрестясь из избы в избу, из дверей в двери, из ворот в ворота, выйду в чисто поле. В чистом поле — окиян-море» [6, с. 73];

2) имена нарицательные, обозначающие стороны света и направления: «стану в восток лицом, в запад хребтом» [6, с. 76]; «станет во восток лицом, на запад хребтом. Во востоке светит истинной Христос» [6, с. 104];

3) имена нарицательные с абстрактным значением: даль, ширь, высь, глубь;

4) имена собственные представлены названиями реально существующих («у синего моря бежит река Волга» [6, с. 88]; «Пойде Господь от купеля в Новый Иерусалим» [6, с. 91]), а также мифических объектов («на острове на Буяне стоит латырь-камень» [6, с. 105]).

Группа имен прилагательных и наречий включает слова, образованные от имен существительных, перечисленных выше («из-за высоких гор» [6, с. 105]; «выше лесов стоячих» [6, с. 51]; «щука морская» [6, с. 72]; «дальнее чистое поле» [6, с. 65]), а также те, которые указывают на место расположения объекта («и змею-перелярую, летучих и ползучих» [6, с. 90]).

Группу глаголов, в свою очередь, тоже можно разделить на подгруппы:

1) бытийные глаголы («В чистом поле стоит престол» [6, с. 66]; «В чистом поле лежит камень» [6, с. 72]);

2) глаголы движения, перемещения («в чистом поле идет три девицы» [6, с. 228]; «Выйду в дальнее чистое поле, навстречу едет Святой Пророк Илья» [6, с. 65]). В глаголах, образованных с помощью добавления приставки, отношение к пространству выражено ярче (ср. «пришла стрела <...> выходи, стрела» [6, с. 82]; «в девять дыр поди, а из десятой жар вон выходи» [6, с. 95]).

Из служебных частей речи пространственным значением обладают предлоги (к, у, за, под, над и др.).

Кроме указанных способов выражения пространства, его можно отобразить в тексте с помощью указательных и относительных местоимений, а также не упомянутых ранее относительных наречий или выражений, которые их содержат. Речь идет о дейксисе, функции «определенных языковых выражений, с помощью которой они обозначают геометрическое место события в его отношении к местонахождению говорящего» [3, с. 1221]. Приведем примеры: «И отколь пришло, — туда и ходи, и раба Божьего (имярек) во веки не трони» [6, с. 96]; «Чирей, Васршей, тут тебе не место, место в осине» [6, с. 98]. Указание на какой-либо предмет происходит в обязательной взаимосвязи с заговаривающим, заговариваемым, предметом заговора, а также пространства, относительно которых он и формируется.

Время, так же, как и пространство, существовало неотделимо от окружающего мира и происходящих событий. Е.А. Колесова отмечает: «Время для древних людей реально, вещественно, заполнено конкретными событиями и разделено на две качественно различные части: время обыденного существования и время вечности» [4, с. 147].

Такое разделение времени на «земное» и «вечное», а также понятие о его цикличности соответствует времени религиозному. В христианском восприятии так же существует земное, мирское время и небесное, вечное.

Время человеческой жизни в христианстве понимается циклизированным. Это отражается в восприятии одинакового жизненного пути людей, что ярко иллюстрируют закрепки в заговорах. Перечисление важнейших событий создает картину всей жизни: «от рожденья до крещенья, от крещенья до венца, от венца до самого конца» [6, с. 57]; «от рождения до байны, от байны до винча, от винча до жизни его конча» [6, с. 66]; «с породья до молитвы, от молитвы до креста, от креста до венца, от венца до будущего конца» [6, с. 71].

Земное время в заговоре обычно «линейно, необратимо, предельно» [5, с. 122]. Линейное время имеет свои отличительные черты, в

нем присутствуют наиболее важные точки: начало сотворения мира, конец мира и основная точка отсчета, которой обычно является сам человек. Конкретный случай, вызвавший необходимость прочтения заговора, обычно описывается в рамках линейного времени, так как это событие, произошедшее внезапно, не является частью какого-либо цикла, не происходило раньше и не должно случиться впоследствии.

Рассматривая время заговора и учитывая синкретичность этого жанра, мы приходим к выводу, что в заговоре соединяются два восприятия времени. В параллелистических заговорах в основной части земная ситуация часто сопоставляется с ситуацией мифологической, время линейное с временем вечным, конкретную проблему заговаривающий решает с привлечением мифологической ситуации: «у этого камня жили два брата — Кайн и Авель: ножами кололись, кровь не шла; так же у нас, у рабы Божьей Агне и Якове, кровь, не иди» [6, с. 87].

В заговорах эпических субъект попадает из «своего» мира и линейного времени в сакральное пространство, где время циклизировано, вечно: «На этом камне сидит красна девица, держит в руках иглу булатную, вдевает нитку шелковую, зашивает раны кровавые» [6, с. 89]. Когда бы он ни пришел в поле, на камне сидит красна девица, которая окажет необходимую помощь. В зависимости от конкретного заговора это может происходить каждое утро, воскресенье или, например, рождество, но принцип цикличности остается.

Здесь мы видим неразрывную связь времени с пространством, хронотопичность: время оказывается по-разному организованным в «своем» и «чужом» мире. Несмотря на эту неотделимость двух явлений семантически, в языке они обычно выражаются разными средствами.

Время, как и пространство, отражено на нескольких уровнях языка: морфемном, грамматическом, лексическом и синтаксическом. Мы снова остановим свое внимание не лексическом уровне. Время выражается с помощью предлогов с временным значением (к, до, за, через) и

подчинительных союзов со значением времени (пока, в то время как, когда, едва). Более подробно рассмотрим класс имен существительных, который в данном случае может быть разделен на следующие подгруппы:

1) имена нарицательные, обозначающие периоды циклического времени, в том числе и времена года («Ни в день, ни в ночь, никакой бы час, ни в маленьку минутку» [6, с. 56]; «по утру и в вечерех» [6, с. 104]);

2) имена нарицательные, указывающие на определенный период времени, но не называющий его («утренней зарей и вечерней, утрется белым светом; во лбу пекет красное солнце, в затылке светлый месяц, по косицам частыя мелкия звезды рассыпаются» [6, с. 104]);

3) имена собственные, с помощью которых действие соотносится «с конкретным историческим временем <...> что, вероятно, обусловлено стремлением предать повествованию жизненную убедительность» [5, с. 122] («что эти сестры царя Ирода [6, с. 78]). Имена собственные с мифическим значением или имеющие религиозный смысл как бы «переносят» нас к мифологической ситуации или в определенную эпоху, где время циклично («под тем дубом сидит Праотец Панфутий, с тремя надесятими братьями» [6, с. 206]).

Время также отражается с помощью имен прилагательных и наречий, образованных от указанных выше имен существительных («ночной воп и дай ему ночной сон» [6, с. 57]; «вечерняя заря, полуночная заря, утренна заря» [6, с. 58]), и имен существительных с абстрактным значением, а также наречий времени («в быстрыя реки по тихим заводям» [6, с. 70]); «река Волга: широка и долга» [6, с. 88]; «Черпнешь, только что уж разом» [6, с. 55]).

Глаголы для указания конкретного времени обладают не только грамматическим, но и лексическим значением:

1) безличные глаголы, обозначающие состояние природы (светает, вечереет, морозит);

2) глаголы движения или действия, которые указывают на скорость выполнения («гадом поползу через змея на воду» [6, с. 77]; «бежит тридевять волков-самоедов» [6, с. 107]; «кровь у них не бежала» [6, с. 87]; «Ты, руда, остань, больше во веки не капь» [6, с. 88]);

3) бытийные глаголы указывают на продолжительность (в некоторых случаях – вечность, неизменность) состояния («На том камню лежит мертвяц» [6, с. 76]; «на острове на Буяне стоит горяч камень» [6, с. 87].

Местоимения, относящиеся к разным разрядам по значению и по грамматическим признакам, тоже могут выражать время (несколько, когда-то). Кроме того, местоимения указывают на соотнесенность текста с конкретной ситуацией, являясь в этом случае элементом категории таксиса. Таксис это «языковая категория, характеризующая временные отношения между действиями <...>, такие как: одновременность/ неодновременность, прерывание, соотношение главного и сопутствующего действия и т.п.» [3, с. 2011]. Приведем пример функционирования подобных местоимений: «сохраните меня и моих детей, когда пойдем мы за ягодами либо куда-нибудь» [6, с. 92]; «до второго пришествия, тогда пособится, когда матерью сырою землею покроются» [6, с. 71].

Итак, мы видим, что в заговорах для отражения хронотопа используются практически все части речи, причем время и пространство изображаются разными способами. Большая часть лексики в обоих случаях представлена именами существительными и глаголами. Несмотря на эти различия, данные категории непрерывно оказывают влияние друг на друга: с изменением характеристик пространства меняются и особенности времени, в «своем» и «чужом» мире время существует в соответствии с разными законами. Кроме того, оба эти концепта в текстах заговоров тесно связаны с действительностью, а также фигурами заговариваемого и заговаривающего, что обусловлено спецификой жанра. По этой же причине «внешний» хронотоп заговора значительно отличается от других

жанров: он соответствует внутреннему и не зависит от исторического времени, так как имеет смысл лишь в конкретной ситуации. Все это еще раз указывает на необходимость изучения данной категории.

### **Список литературы**

1. Агеева Р.А. Пространственные обозначения и топонимы в заговоре как типе текста // Аспекты общей и частной лингвистической теории текста. – Москва : Наука, 1982. – С. 132–159.

2. Ицкович, Т.В. Категория хронотопа в текстах религиозного стиля (к постановке вопроса) / Т.В. Ицкович // Актуальные проблемы филологии и педагогической лингвистики. – 2011. – №13. – С. 112–118.

3. Кандрашкина О.О. Категории пространства, времени и хронотопа в художественном произведении и языковые средства для их выражения / О.О. Кандрашкина // Известия самарского научного центра российской академии наук. – 2011. – Т. 13. – №2-5. – С. 1217–1221.

4. Колесова Елена Альбертовна. Лексика пространства в фольклорных текстах : На материале заговоров : Дис. ...канд. Филол. Наук : 10.02.01. – Санкт-Петербург, 2001. – 166 с.

5. Мухина, Е. А. (Петрозаводский университет. Филологический факультет). Хронотоп эпического духовного стиха / Е. А. Мухина // Язык и поэтика русского фольклора: к 120-летию со дня рождения В. Я. Проппа : сборник докладов всероссийской (с международным участием) научной конференции. – Петрозаводск, 2015. – С. 121–123.

6. Русские заговоры Карелии / Сост., вступ. ст., примеч. Т.С. Курец. – Петрозаводск : Издательство Петрозаводского государственного университета, 2000. – 275 с.

7. Топоров В. Н. Заговоры и мифы // Мифы народов мира: Энциклопедия: В 2 т. – Москва : Советская энциклопедия, 1980. – Т. 1. – С. 450–452.

8. Экштут С. А. Ворота хронотопов // Диалог со временем. 2016. Вып. 55. С. 118–140.

9. Юдин, А. В. Ономастикон русских заговоров. Имена собственные имена собственные в русском магическом фольклоре / А.В. Юдин — Москва : МОНФ, 1997. — 319 с.